

Известия — 1990. — 30 нояб. — с. 4

Во всех французских мэриях рядом с национальным трехцветным флагом стоит бюст Маризинны — символ Франции. Когда французам задали вопрос, кого из представительниц прекрасного пола надо запечатлеть в Марианне, подавляющее большинство назвало Катрин Денёв. Так самая популярная актриса Франции последнего десятилетия выступила еще в одной роли.

Она снялась более чем в 60 кинофильмах, работала с выдающимися режиссерами, за-

воевала высшие призы на международных фестивалях.

Эта актриса всегда казалась мне романтически загадочной, немного высокомерной и холодной, как далекая и недоступная простым смертным «звезда». Поэтому при встрече я был поражен ее простотой, приветливостью, остроумием, живостью и откровенностью в ответах, непринужденностью, с которой она держалась.

Катрин ДЕНЁВ:

Смогу ли я сыграть Анну Каренину

— Французские критики называют вас самой таинственной актрисой, которая тщательно скрывает свой внутренний мир и личную жизнь от любопытных глаз. Интервью вы даёте чрезвычайно редко, в рекламе ваших фильмов не участвуете, вас знают как актрису на экране, и еще известно, что в вас двое взрослых детей. Вы культивируете эту скупость?..

— Нет, но еще до того, как стать актрисой, я имела склонность окружать себя тайнами. У меня никогда не было потребности о себе рассказывать, тем более во всеуслышание.

— И все-таки как вы стали актрисой?

— В кино я попала скорее случайно, хотя и родилась в семье актеров, а моя бабушка была суфлером в театре «Одеон». Девочкой я больше любила молчать и наблюдать, страдала от застенчивости и всегда пряталась за своей сестрой.

Но мне повезло — с самого начала я стала сниматься у крупных режиссеров. Это помогло мне многое понять и усвоить и предопределило мою артистическую карьеру. Пожалуй, решающей для меня оказалась встреча с только что умершим Жаком Деми. Три его фильма — «Шербурские зонтики», «Девушки из Рошфора» и «Ослиная шкура» — изгнали все сомнения, помогли мне обрести внутреннюю гармонию и равновесие. Он был первым, кто внушил мне веру в свои силы.

— Вы работали с Франсуа Трюффо...

— Трюффо очень любил своих актеров, необычайно помогал всем нам, меня он научил играть точно. Еще один выдающийся мастер, которому я многим обязана, это Луис Бунюэль — «Дневная красавица», «Тристана»... Назову также Романа Поланского. Мне очень хотелось сыграть у Хичкока, но не получилось.

— Как складываются ваши отношения с постановщиками? Вы выполняете их волю или предлагаете свою трактовку образа?

— Художник никогда не пытается навязывать свою точку

зрения, собственную схему; он ищет контакта с исполнителями, открыт для предложений и даже порой несвободен от их влияния. Я стремлюсь быть в полном согласии с режиссером, не люблю конфликты. Мне необходимо чувствовать себя уверенно на съемочной площадке, но я никогда не пытаюсь брать инициативу в свои руки и жду, чтобы постановщик ввел меня в свой мир. С одной стороны, я не терплю диктатуры, а с другой — мне не нравится, когда режиссер, имея дело с известным актером, предоставляет ему полную свободу действий. Я все-таки предпочитаю, чтобы меня направляли, однако, если во время съемок чувствую непоследовательность, беру инициативу на себя. Я люблю работать в команде — в кино ведь только так! — но порой завидую тем, кто творит в одиночестве — художникам, композиторам, писателям.

— В чем особенности вашего творческого метода?

— Я верю в импровизацию. И всегда возмущаюсь, когда актер играет технично и пользуется одним из тех же приемов, потому что овладел «ремеслом» — какое ужасное слово для творческой личности! Достичь вершины можно лишь путем поиска и сомнений.

— А есть несыгранные роли, в которых вы хотели бы себя попробовать?

— Долгие годы я выступала на экране преимущественно в образе романтических героинь. Поэтому мне хотелось бы сыграть женщин драматической судьбы — скажем, роль жены бывшего аргентинского президента Евы Перон, Екатерины Великой и особенно Анны Карениной. Знаете, лет 15 назад вместе с Жаком Деми мы ездили в Москву и в Ленинград для переговоров о съемках именно «Анны Карениной». Тогда ничего не получилось, но сейчас я с удовольствием бы вернулась к этой идее. И вообще снялась бы в фильме русского режиссера, например, Никиты Михалкова... Не могу сказать, что я хорошо знакома с нашим кино, но недавно посмотрела замечательный

фильм «Замри, умри, воскресни».

— Перед нашей встречей я познакомился с высказываниями режиссеров, у которых вы снимались. Одни отмечают ваше упорство, решимость, другие — неуверенность в себе, постоянные сомнения, и все говорят о том, что вы одержимы стремлением к совершенству.

— Действительно, я всю жизнь стремилась все делать хорошо. А это значит, что я слишком часто бываю несчастлива, ибо люди, подобные мне, никогда не удовлетворены достигнутым. Им все время кажется, что они все делают недостаточно хорошо. От этой черты характера страдает и сам человек, и окружающие. Меня успокаивает природа, которая дает ощущение внутренней силы и свободы.

— Но тем не менее я думаю, что вы, первая актриса Франции, человек счастливый...

— Я бы сказала, что в моей жизни бывают счастливые моменты, но в целом я не считаю себя счастливой. Конечно, мне удалось многое достичь, но по-прежнему я слишком часто испытываю беспокойство и озабоченность. Да, я люблю совершенство во всем — в кино и в жизни. Поэтому мне постоянно хочется все переделывать. Иногда мне кажется, что и в самый последний день моей жизни, когда уже надо будет уходить навсегда, я вдруг воскликну: «Нет, подождите! Я поняла, я знаю, что надо все начать сначала...»

— Неужели вам присущи сомнения в собственном таланте?

— Да, и я в этом не вижу ничего удивительного. Моя слава и известность не мешают мне иногда в собственных глазах выглядеть самозванкой. Мой отец всегда напоминал мне, что под оперением павлина, каким бы красивым оно ни было, всегда находятся две уродливые лапчатые ноги... Он научил меня скромности и смирению, а также все время воспринимать себя и относиться к собственной персоне с иронией.

— Сегодня в кинематографе слишком мало новых имен — я имею в виду и режиссеров, и актеров. И как следствие все меньше хороших фильмов, а шедевров практически нет. И не случайно зрители все реже ходят в кино. Насколько, с вашей точки зрения, серьезен этот кризис?

— Я снимаюсь в кино уже 25 лет и все эти годы только и слышу о кризисе. Все ждут «новую волну», мессию, спасителя кинематографа. Но сегодня просто другая публика, которая предпочитает смотреть ленты дома по видеомагнитофону. Возник новый зритель, и пролюсерам это придется в дальнейшем учитывать. Другая проблема в том, что сейчас во Франции делают слишком много фильмов для узкого круга зрителей.

— Но министр культуры Жак Ланг видит главную опасность в нашествии американского кино...

— Я считаю, что американцы экспортируют свои лучшие ленты, именно те, которые как раз и интересуют широкую публику и вполне справедливо пользуются успехом. Кино — это все-таки зрелище, и здесь, конечно, трудно соревноваться с американцами. Европейцы просто-напросто не располагают их возможностями и средствами. Но это не означает, что европейское кино обречено.

— Некоторые самые известные французские актеры — назову хотя бы Монтана, Делона, Пикколи — активно занимаются политикой, не скрывают своих симпатий, участвуют в различных манифестациях против нарушения прав человека и свободы. Вас интересует политика?

— Интересует, но сама я политикой не занимаюсь. Я слежу за смелыми и целительными — и порой пугающими — переменами в вашей стране. Меня беспокоит проблема отсутствия свобод и демократии в разных регионах мира, случаи пыток, бесчеловечного обращения с людьми. Поэтому я участвовала в различных гуманитарных акциях, читала комментарии к фильму о «Международной амнистии» против смертной казни. У меня, естественно, есть свои политические симпатии. Я хорошо себя чувствую при нынешнем правительстве социалистов и впервые пришла в Елисейский дворец, когда президентом был избран Франсуа Миттеран. Я привержена республиканским традициям.

— Чем вы объясняете, что люди кино в большинстве придерживаются легких взглядов?

— Наверное, потому, что в нашей профессии нет какой-то иерархии, существует определенное равенство, широко развиты демократические традиции, есть

чувство товарищества, солидарности.

— И как же вы понимаете солидарность? В чем она проявляется?

— Уверю вас, это для меня не просто красивая фраза. Она предполагает понимание того, что происходит в мире, осознание проблем, которые стоят перед другими людьми. Солидарность сегодня необходимо проявить по отношению к европейцам, живущим на востоке нашего континента. Она означает для меня открытость, стремление прийти на помощь ближнему. Возможно, я менее эгоистична, чем другие, потому что выросла в семье, где у родителей было четверо дочерей.

— В кино вы предпочитаете импровизацию, а в жизни?

— Как и многие, я не люблю серых будней и часто пребываю в ожидании чуда. Надеюсь, что вот-вот раздастся звонок, и мне предложат нечто необыкновенное, и надо будет куда-то срочно ехать или лететь. Мне нравится все неожиданное. Я всегда любила мечтать, строить планы и при этом совсем необязательно их осуществлять.

— Какой ваш последний проект?

— Совершить путешествие на Луну...

— Ну а если говорить о земных планах?

— В начале следующего года я буду сниматься у молодого французского режиссера в фильме, действие которого происходит в Малайзии и во Вьетнаме в годы распада колониальной империи.

— Вас часто видят в книжных магазинах...

— Я, конечно, больше покупаю книг, чем успеваю их прочитать, они обладают для меня какой-то магической силой. Мне нравится книга как предмет — ее обложка, переплет, бумага, шрифт. Когда я читаю роман, то вижу действие словно на киноэкране.

— Обычно «звезду» опекает целая команда, насчитывающая не один десяток человек, которая занимается всеми ее проблемами. Кто помогает вам?

— У меня нет никакой команды, кроме секретаря и агента. Я не имею ни пресс-атташе, ни телохранителя.

— Иногда вы, знаменитая актриса Франции, рекламируете духи и драгоценности — меня это удивляет.

— Я чувствую себя обязанной рекламировать духи и драгоценности, которые носят мое имя. Кроме того, это дает мне финансовую свободу и независимость и позволяет сниматься в фильмах, которые мне нравятся, независимо от условий. Начиная с «Шербурских зонтиков» я имела возможность выбирать и роли, и картины, поэтому все ошибки и просчеты, равно как и успехи, на моей совести.

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий»
ПАРИЖ.